

Тут Паламон промолвил так в ответ:
«Мой милый брат, оставь такое мненье,
Тебе его внушило заблужденье.
Нет, не тюрьма исторгла этот стон:
Я сквозь глаза был в сердце поражен
До глубины, и в этом – смерть моя.
Да, прелесть дамы, что, как вижу я,
По саду там гуляет взад-вперед, -
Причина слез моих и всех невзгод.
Богиня ль то иль смертная жена?
Самой Венерой мнится мне она».
И, в увлечении не зная меры,
Он, ниц упав, воскликнул: «О Венера,
Коль ты явилась в вертограде том
Передо мной, презренным существом,
То помоги нам выйти из тюрьмы.
Но если повеленьем рока мы
До смерти здесь обречены невгодам,
То смилуйся хотя б над нашим родом,
Низверженным по прихоти злодея».
Меж тем Арсита, обзрев аллеи,
Где дама та бродила взад-вперед,
Ее красою дивной в свой черед
Не менее был ранен и пленен,
А может быть, сильнее, чем Паламон,
И, жалостно вздохнув, он говорит:
«Увы, я дивной прелестью убит
Красавицы, гуляющей по саду!
И если я не вымолю отраду
Лик созерцать ее хотя порою,
Ждет смерть меня – я от тебя не скрою».
Когда услышал эти речи брат,
Он молвил, злобный обративши взгляд:
«Ты говоришь, должно быть, для забавы?»
А тот в ответ: «Мне не до шуток, право:
Свидетель бог, тебе я не солгал».
Тут Паламон, нахмутив бровь, сказал:
«Не много чести обретешь ты в том,
Что станешь предо мною подлецом.
Я брат тебе по крови и обету.
Мы крепкой клятвой подтвердили это, -
Мы поклялись, что коль нас не замучат
И смерть сама навек нас не разлучит,
В делах любви не будешь мне врагом,
Мой милый брат, как и ни в чем другом,
Меня во всем поддержишь ты, любя,
Как и во всем я поддержу тебя.
Так ты клялся, и так клялся я тоже.
От клятвы отрекаться нам негоже.
Ты, спора нет, советник мой и друг,
Но, как изменник, возмечтал ты вдруг
О той, кому служу я, полюбив,
И буду так служить, куда жив.
Нет, злой Арсита, не бывать тому!
Я первый полюбил и своему